Содержание

Михаил Павловец. «Быть собой самим не бойся» 5

I. «Корпус моих стихотворений настолько разнообразен...» . 22

II. «Я шел по местности безлюдной...» 28

III. Букволюбие, или Телефонная книга 32

IV. «в разные годы моей жизни...» 98

V. Последние стихи

2022

«Густ...» 108
«Трали-вали, тили-тили...» 108
«Ах, полюбезничай...» 108
«Фарш получилось провернуть назад» 108
«Мы живём, под собою не чуя страны...» 109
«Тараканьи смеются усища...» 109
«За девчоночки слезу...» 109
«Кругом одни фашисты...» 109
«тут / так / думать /нельзя...» 110
«Когда грохочут пушки, н-на...» 110
«Был я гений и талант...» 110
«Дык мы ж не знали...» 111
«Люди добрые! В целом мире...» 111
«Я инженер человеческих душ...» 111
«Властитель слабый и лукавый!..» 112
«И жаль мне вас, вояки...» 112
«Это я, Герман Лукомников...» 112
«Здесь людям хорошим...» 112
«С Новым годом...» 113
«Покидаю этот чат...» 113

«Как вы могли жениться?..» 113
«Ну-ка по порядочку…» 113
«— Мы, конечно, примечали…» 114
«Кому беда, кому — обеда…» 114
«Я б уехал за границу…» 114
«Да что ж это такое ж?..» 114
Разговор с одним г-ном 115
«эпидемия / война…» 115
«Сто старушек замочу…» 115
«Как прекрасен день Помпеи…» 116
«— В пасти дракона я. Вроде живой…» 116
«иного нет…» 116
Песенка об академике Сахарове 117
«Череп расколот…» 118
«А я стою один меж них…» 118
«Не хочу ни в Европу, ни в Азию…» 118
«Мы живём, под собою не чуя…» 118
«Скорее бросайте, бросайте своих…» 119
«— Я на казнь, друзья, пошёл…» 119
«— Ох, доска кончается…» 119
«я думал суворов хороший…» 119
«что-то я / не могу больше…» 120
«двадцатые…» 120
«Ах где же, где же ты, мой старый добрый друг?..» 120
«Шустренький зайка опрыгал весь свет…» 120
«эти меня учат…» 121
«Закурив, между солдатами…» 121
«Страшен бешенства оскал…» 121
«Если долго говорить…» 121
«Нам соловей свистал невдалеке…» 122
«Вот такое нынче время…» 122
«Я взлетаю, но, увы…» 122
«Я такое написал!..» 122
«Вставай, страна огромная…» 123
«В эти трудные времена…» 123
«Наш пахан не лыком шит…» 123
«Где тут индульгенции…» 123

«главное не привыкать…» 123
«правда что юноши стали дешевле…» 124
«Необъятный наш Голе́м…» 124
«Кричала птица марабу…» 124
«встретил доброго знакомого…» 125
«я думал / что россия…» 125
«— Прытче…» 125
«Ползёт, как трещина, история…» 125
«Кто-то не вылез из-под завала…» 126
«Какое, милые, у нас…» 126

2023

«Вернулись годы…» 127
«Не тянись, диплодок…» 127
«Показалось: в лодке скрип…» 127
«— Ну как ты там?..» 127
«Что, опять барашечки…» 128
«Всё, что мне не нравится…» 128
«Когда мне невмочь пересилить беду…» 128
«Генералиссимуса взгляд…» 128
«Государевы присоски…» 129
«Опять меня манила…» 129
«Соки из Крыма…» 129
«Снимают и теряют скальпы…» 129
«Где каины, где авели?..» 130
«хорошо быть…» 130
«Вышел сеятель сеять…» 130
«Бунт наш русский безобразен…» 130
«Мятеж не может кончиться удачей…» 131
«Пиздец подкрался так заметно…» 131
«Мир мечтают покорить…» 131
«Голубушки-лебёдушки…» 131
«Из дома вышел человек…» 132
«Как судьбы капель сочных…» 132
«Мы, как мыши, ло́вки…» 132
«Пишет дама средних лет…» 132
«Кто там на мосточке над рекой…» 133

«Кто-то Землю уничтожил…» 133
«Младенческие складочки…» 133
«Я сын еврея и армянки…» 133
«внедрила подло интернет…» 134
«Так-то всё нормально вроде…» 134
«я ходил по бритве…» 134
«В ожидании Годо…» 134
«Моя бабушка любила…» 135
«Бункер в катакомбах…» 135
«голуби да во́роны…» 135
«Когда волков разоблачат…» 135
«Знаешь, как хорошим быть?..» 136
«Всех забрали в ФСБ…» 136
«Ушёл в андеграунд…» 136
«Бомбы, тюрьмы, вся херня…» 136

2024

«что-то я никак не привыкну…» 137
Палиндром 137
«мысли крутились…» 137
«Я играю, но не с вами…» 137
«Поиграли в демократию…» 138
«Дед Щукарь нюхнул табак…» 138
«Отправляюсь на погост…» 138
«без випиэна…» 138
«Полегли на поле глиной…» 139
«От свободы отучают…» 139
«Куда для плюрализму…» 139
«Ангел с пеной на губах…» 139
«Всё идёт по плану…» 140
«Зайка серенький, не ссы!..» 140
«Было повидло…» 140
«Тьмой пожран свет…» 140
«Наверно наши бывшие друзья…» 141
«Я валяюсь без движенья…» 141
«Скажите мне спасибо…» 141
«Я пишу на злобу дня…» 142

«рыдать устал…» . . . 142
«Говорила кошка мышке…» . . . 142
«жизнь начинается как мультик…» . . . 142
«конец света…» . . . 143
«Часовые любви…» . . . 143
«Они хвалили и нас, и верёвку для наших шей…» . . . 143
«наша кошка…» . . . 144
«Говорят, Христос воскрес…» . . . 144
«Солнце всем лучи катило…» . . . 144
«Дорогой товарищ Сталин…» . . . 144

2025 (до сдачи этой книги в печать, т. е. до середины апреля)
«В смехе, слезах и пульсации вен…» . . . 145
«Мягки, застенчивы и до́бры…» . . . 145
«Тянут репу, ну а репа…» . . . 145
«Что за чудо наша жизнь!..» . . . 145
«Не то чтобы без самозванства…» . . . 146
«Да, оно уже не то…» . . . 146
«а по повестке дня…» . . . 146
«солнце моё…» . . . 146

VI. Как я сочинял стихотворение про Сарданапала . . . 147

VII. Переводы

Со старопольского
Симеон Полоцкий (1629–1680). Cancer . . . 156

С английского
Уильям Блейк (1757–1827). Тигр . . . 157
Льюис Кэрролл (1832–1898). Песнь Безумного Садовника . . . 158

Неизвестные авторы
Всё ко псам . . . 160
Сельский грабитель . . . 160

С немецкого
Феликс Шуман (1854–1879)
«Любви моей зелен сиреневый куст…» . . . 161
«Милуется куст бузины с ветерком…» . . . 162
[Утопший](«Любви бушевали волны…») . . . 163

С чешского

Иржи Волькер (1900–1924). Очищение 164

Вит Кремличка (р. 1962)
разговор в ризнице 165
«Помнишь, как в фонтане денежки ловились?..» 165
песнь маленькой смерти 165
вынашивающий намерение 166
над пивом — II 166
ноктюрн 166
«не изменю своей ментальности…» 166
нарушители одиночества 167
«это прелестно немая любовь…» 167
Песнь XXI 167

С чувашского

Геннадий Айги (1934–2006)
«Душа измотана, и мне не спится…» 168
Притча 169
Внезапно… 171
Поезда 172
Мое 173
Колючий куст смородины 174
Ответ 176

От переводчика 177

Приложение. Моя библиография (книги) 178

Содержание 181

Корпус моих стихотворений настолько разнообразен, что трудно поверить, что всё это написал один человек. Я бы и сам вряд ли поверил, если бы не знал, что это я.

И это разнообразие не слишком связано с хронологией. Отчасти связано, но главные причины не в ней. Главное — то, что в поэзии мне всегда хотелось двигаться во всех направлениях сразу.

Так что написанное мною можно поделить на множество разделов и подразделов, очень разных. В каких-то из ячеек этой таблицы окажутся тысячи текстов, а в каких-то всего лишь один или два, но все эти части важны для настоящего понимания того, чем я занимаюсь.

Читатель, как правило, сперва сталкивается с какой-нибудь одной моей ипостасью, мысленно ставит мои стихи на какую-то полочку, потом вдруг сталкивается с совершенно другой и так далее. Для кого-то я современный Чуковский, для кого-то современный Хлебников, для кого-то новый Барков… Все знают, что я минималист, и очень удивляются, натыкаясь на мои длинные стихотворения, написанные в более-менее традиционной манере. Стихи у меня в основном смешные, и эта юмористическая составляющая сразу бросается в глаза, а другие важные их свойства открываются со временем, постепенно. Кто-то воспринимает меня исключительно как автора-исполнителя, слэмера, вроде барда без гитары. Кто-то как палиндромиста (насчёт моих стихов многим кажется, что они так тоже могут, а насчёт палиндромов так никому не кажется). Для кого-то мои стихи существуют прежде всего в сочетании с картинками, — их иллюстрировали многие замечательные художники. Кое-что фактически уходит в фольклор: люди слышат это и повторяют, а позже, иногда

через много лет, узнают, что я автор. В результате выясняется, что ни на какие полочки я не помещаюсь, для меня особая полочка требуется. Которую читатель сам должен ещё построить. В собственной голове.

В ранней юности я бросил писать стихи и почти не писал почти десять лет — из страха вольного и невольного подражания своим тогдашним поэтическим кумирам. К 1990 году, когда мне уже было почти 28, этот страх вдруг прошёл, и я начал фонтанировать стихами. Небольшой свод написанного ранее и сохранившегося по-своему любопытен, но это что-то такое внутриутробное. Впрочем, даже он весьма разношёрстен. А начало 1990 года — для меня точка отсчёта.

Мои поэтические кумиры к этому времени сменились, вернее, оказались изрядно потеснены неофициальными поэтами, которых я в юности почти не знал. Проблема подражания никуда не делась, но я научился с нею обращаться. Например, просто о ней не думать. Или думать так, что это не мешало, а помогало. Что-то получалось «совсем как у Олега Григорьева», «как у Пригова», «как у Введенского», а иногда — в духе моих отроческих стихов, «как у Пастернака»… Это меня уже не пугало. Ведь тот, кто похож на всех, не похож ни на кого. Не думаю, что это универсальная формула, но в моём случае она срабатывает.

Возможно, это связано с какими-то особенностями моей личности. Мне разные люди часто говорят, что я на кого-то похож, имея в виду просто мою внешность. У меня гигантский список таких моих «двойников» образовался, и кого там только нет — от Пушкина (по мнению, например, Нины Искренко) до Карла Маркса.

Кое в чём я нечаянно «изобретал велосипед». Форма, до которой я додумался самостоятельно и которая мне казалась совершенно моей, оригинальной — медитативный свободный стих, основанный отчасти на интонации, отчасти визуальный, с повторами, паузами, значимыми пробелами, пустотами, обыгрывающая расположение

машинописного текста на странице, — как выяснилось через пару месяцев моего активного сочинительства, уже существовала в русской поэзии и десятилетиями гениально разрабатывалась Всеволодом Некрасовым. Другая культивируемая мною форма — сверхкраткий лирический верлибр-наблюдение, своего рода «фотография души», — Иваном Ахметьевым. Но к тому времени, когда я это узнал, я уже так раскочегарился, что это меня не остановило. Напротив, я был рад, что, оказывается, я не один такой. Как ни парадоксально, страх подражательства окончательно улетучился. Я почувствовал, что тонкие и не сразу уловимые различия в рамках очевидной схожести, как на рисунках-загадках «Найди несколько отличий», в искусстве могут быть значимы и интересны, сквозь эту рябь схожести-несхожести проглядывает собственное лицо. В то же время всё это стимулировало и другие стороны моего сочинительства, подталкивало делать именно то, что мне хотелось и о чём я уже сказал: идти во всех направлениях сразу.

Стихи в чьей-то чужой манере — для меня это было не эпигонство и даже, в сущности, не оммаж, а просто способ говорения. И всё же если бы я этим и ограничивался, наподобие сорокинского мутанта-стилизатора, мне бы, наверно, быстро надоело.

Сильнейшим было влияние О. Григорьева. Но его поэтику короткого стихотворения-случая, сюжетного или языкового оксюморона, я стремился ещё более обострить, радикализировать, сокращая объём подобного текста совсем уже до нескольких слов.

Мне нравилось скрещивать разные, иногда противоположные стили, формы и жанры, действовать на их границах, там иногда происходило что-то особенно интересное.

Изрядная часть моих текстов — краткие каламбуры, которые, что называется, носятся в воздухе. Если бы я их не сочинил, это сделал бы кто-то другой. Подобное приходит в голову разным людям, проскакивает экспромтами

в разговорах. Просто никто не записывает. Вернее, тогда, три десятка лет назад, в доинтернетную эпоху, не записывали. А я стал записывать. И вообще планомерно копать этот пласт языка. В плане авторства это зона риска. Поначалу я огорчался, обнаруживая прямые пересечения такого рода с другими авторами, но с годами смирился. Какой-то процент нечаянного повторения чужого в этом жанре неизбежен. Главное, чтобы он был не чрезмерен, а в моём случае это условие выполняется: совсем уж очевидных вещей я, как правило, не записываю. И всё же в этой сфере, по существу близкой к фольклору, к пословицам и поговоркам, я ощущаю себя не только и не столько автором, сколько каталогизатором, антологистом.

Рефлексией на проблемы поэтической схожести и размытого авторства в моём творчестве стал плаги-арт. Вместо того, чтобы пытаться сгладить, завуалировать эти проблемы, я, наоборот, решил довести их до абсурда. В феврале 1990 года я написал стихотворение «Парус»: «Белеет парус одинокий» и т. д. — слово в слово как у Лермонтова. Ясно было, что, несмотря на текстовую идентичность, это два совершенно разных стихотворения — лермонтовское и моё. (Кстати, на самом деле у Лермонтова не «одинокий», а «одинокой», но это неважно.) Отчасти этот жест стал воплощением сюжета известного рассказа Борхеса «Пьер Менар, автор „Дон Кихота“» (в чём тоже проявился плагиартизм). Мне тогда казалось, что это одноразовая акция, но, как ни странно, я и позже время от времени практиковал нечто подобное, и в конце концов всё это сложилось в некую серию. Там есть и плагиат плагиата, плагиат в квадрате. И ложный плагиат. И ещё много всего.

Есть у меня стихотворения-перфомансы. Некоторые из них вообще не имеют текстовой записи и существуют только в моём исполнении — это стихи без слов, молчанки, наподобие «Поэмы конца» Василиска Гнедова. В одном из перфомансов цикла «Человеческие поэмы» я вдыхал

выдохи всех желающих и, наоборот, сам предлагал желающим вдохнуть мой выдох*. Для каких-то стихотворений текстовая запись существует, но она очень условна и без моей помощи вряд ли может быть верно прочитана. Такова, например, мычалка, записанная в виде повторяющейся буквы «м»: я издаю несколько неопределённых звуков наподобие «м-м-м…» или «э-э-э…», как бы собираясь что-то сказать, но так ничего и не говорю.

Осень 2018

* Это было в конце 1990-х. Сейчас, после пандемии ковида, я бы не рискнул. — *Прим. автора. 16.03.2025.*

II

* * *

Я шел по местности безлюдной
И слышал голос в вышине.
Казалось, этот голос чудный
Так много сообщает мне.

Но разве передать словами
Его божественный привет,
Когда я тут, когда я с вами,
На этой ярмарке сует…

* * *

Опять заботливая проза
Морочит прописью своей.
А где же, извините, роза?
Где, извините, соловей?

Пускай букетиком мимоза,
А по карнизу воробей,
Но страшно распустилась роза
И в спину свищет соловей!

* * *

Она сказала: «Погоди.
Душа не дух, душа не тело», —
И, вынув сердце из груди,
Куда-то дальше полетела.

С тех пор я смерти не боюсь
И бедных чувств своих не прячу,
И только плачу, плачу, плачу,
И снова плачу, и смеюсь.

* * *

Взглянуть в оконце поутру,
Где как-то не совсем обычно
Трепещут листья на ветру —
Так внятно, стереоскопично, —

Где с неба прыгает вода…
Взглянуть — и глупо улыбнуться,
И вдруг нечаянно проснуться
Всерьез, как в детстве, навсегда.

* * *

Когда в восторге и тоске,
Судьбой нещадно огорошен,
Как ящерицын хвост, отброшен,
Ты дико бьешься на песке, —

Как знать, быть может, в этот миг
Разумный житель Андромеды
Твои просматривает беды
И просветления достиг.

* * *

Ползет по дереву жучок
И воздух рожками бодает,
Как приснопамятный бычок,
Затем он в бездну упадает.

Мораль сей басни такова
(Сейчас вы будете смеяться):
Кругом слова, слова, слова
Шевелятся и шевелятся.

2016